

Неосуществленный проект памятника графу М.А. Дмитриеву-Мамонову

В конце июля 1912 г. в Московскую городскую думу обратился с прошением потомственный дворянин Московской губернии Василий Александрович Дмитриев-Мамонов. В своем письме он просил выделить место для памятника-обелиска «в воспоминание патриотического подвига» графа М.А. Дмитриева-Мамонова. Автор прошения не только перечислил заслуги своего предка, но и подробно изложил его биографию.

Граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, сын фаворита Екатерины II, родился в Москве 14 сентября 1780 г. В 1807 г. он получил звание камер-юнкера, а в 1811 г. был определен обер-прокурором Шестого (Московского) департамента Правительствующего Сената.

С началом военных действий против Наполеона М.А. Дмитриев-Мамонов через московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина передал императору Александру I письмо, в котором предлагал пожертвовать на военные нужды весь свой годовой доход. В ответном письме Александр I предложил ему организовать на эти деньги отдельный конный полк.

29 июля 1812 г. М.А. Дмитриев-Мамонов был зачислен на военную службу, а уже в августе 1812 г. начал формировать полк: частью из своих крестьян, а частью из завербованных за деньги охотников. Этот полк вошел в состав Московской военной силы, а его шеф отличился в сражениях у Тарутина (6 октября) и под Малоярославцем (12 и 13 октября), получив Золотую саблю "За храбрость".

12 марта 1813 г. мамоновский полк был реформирован в "Уланский генерал-майора графа Дмитриева-Мамонова полк", сначала в составе пяти, а затем семи эскадронов. При этом сам граф был пожалован чином генерал - майора и назначен шефом своего полкаⁱ.

После того как полк был расформирован, графа прикомандировали ко 2-й конно-егерской дивизии, затем ему велено было "состоять по кавалерии". Фактически с февраля 1816 г. Матвей Александрович находился в отпуске, сначала за границей, а потом в Москве. В 1819 г. по Высочайшему приказу он был уволен в отставку по болезни и окончательно поселился в Москвеⁱⁱ.

Дальнейшая судьба М.А. Дмитриева-Мамонова сложилась трагически. Через несколько лет после отставки графа генерал - губернатор Москвы князь Д.В. Голицын подал на имя императора Александра I рапорт, в котором доносил, что «отставной генерал-майор граф Дмитриев-Мамонов принял с давнего времени - странный образ жизни: отрастил себе бороду, чуждался людей и, предавшись уединению, поступками, совершенно противными общежитию, не переставал обращать на себя общее внимание»ⁱⁱⁱ. Пока эти странности поведения графа не нарушали общественного порядка, Голицын не принимал никаких мер, но в конце 1824 - начале 1825 г. в канцелярию генерал-губернатора поступило несколько жалоб на графа. Повод для этих жалоб был, в сущности, один: Дмитриев-Мамонов постоянно без видимых причин наказывает как своих, так и чужих крепостных, а нередко и свободных людей. Дело здесь было, по всей видимости, в крайне вспыльчивом характере графа, чему примером может служить его письмо Д.В. Голицыну от 22 мая 1825 г.

«Я узнал, что Вы приказали задержать в полиции казака моего Николая Иванова; я предлагаю Вам приказать обер-полицмейстеру отдать его под расписку вручителю сего, служителю моему Степану Алексееву:

Вы, конечно, не забыли, как я Вас назидал письмом моим в ответ на то глупое и дерзкое письмо, которым Вы дерзнули обещать, что Вы учредите надо мной опеку. Я обещал Вам наказать Вас, не заставьте исполнить оный обет над Вами, дурным блюстителем правосудия в вверенной Вам губернии, робким кадетом, воришкой, подлецом и мошенником, тот, которого Ваши подлецы родственники называют

беззащитным человеком, но который есть и всегда пребудет

Граф Дмитриев-Мамонов»^{iv}.

Письмо, вероятно, стало последней каплей, переполнившей чашу *терпения* Д.В. Голицына. 26 мая 1825 г. он предписал уездному предводителю дворянства князю А. Васильчикову отправиться в имение графа Дубровицы и взять с него подписку о повиновении местному начальству. Васильчикова сопровождал адъютант Голицына поручик Толстой с 25-ю нижними чинами. Так как Дмитриев-Мамонов отказался дать требуемую подписку, у него отобрали все огнестрельное и холодное оружие, а в комнатах его усадьбы установили караул. Спустя два месяца графа перевезли в Москву, а земскому исправнику было приказано забрать его бумаги, которые в январе 1826 г. все были переданы Д.В. Голицыну, за исключением тех, что относились к деятельности масонских лож.

В Москве Дмитриева-Мамонова освидетельствовали медики Пфеллер, И.Я. Мудров и М.А. Маркус, которые поставили диагноз: меланхолия. Когда же эти врачи совместно с докторами Ф.П. Гаазов, и Х.И. Лодером пытались повторно осмотреть графа, он их к себе не пустил.

7 июля 1826 г. император Александр I Высочайше утвердил мнение Комитета министров, согласно которому отставной генерал-майор Дмитриев-Мамонов был признан "безумным", вследствие чего над ним учреждалась опека. 22 сентября по предложению князя Голицына заботы по опеке самого графа и его имения взяли на себя родственники графа - сенатор А.А. Арсеньев и клинский предводитель дворянства С.П.Фонвизин. Третий опекун был выбран сестрой Дмитриева-Мамонова - Марьей Александровной: им стал петербургский почт-директор К.Я. Булгаков.

В течение почти сорока лет, пока продолжалась эта опека, сами опекуны менялись постоянно. В числе их побывала и Марья Александровна Дмитриева-Мамонова, которую в 1842 г. отстранили от опекунства за "неблаговидные поступки" (она получила 68 тыс. руб. по наследственному билету заемного банка). Над ее имением Николаем I в свою очередь также была учреждена опека.

До сих пор остается открытым вопрос: был ли действительно болен Матвей Александрович? И что послужило причиной таких действий властей? Большинство современников графа, а также исследователей этой темы считали, что такой причиной стало вольнодумство А.М. Дмитриева - Мамонова. Утверждать что-либо определенное довольно трудно, поэтому сошлемся лишь на некоторые отзывы людей, лично знавших графа. Так, Голицын в рапорте императору писал, что поступки Дмитриева-Мамонова являются «родом некоторых исступлений, происходящих от неограниченного самолюбия и высокомерной гордости»^v. Уже упоминавшийся поручик Толстой сообщал своему начальнику о том, что положение графа весьма далеко от того, каким его описывают, «и... кажется, кротостью, сопряженной между тем с твердостью, можно все из него сделать»^{vi}.

Сергей Павлович Фонвизин, спустя годы, вспоминал, что при вступлении в должность в 1825 г. «мы (Фонвизин и Арсеньев. - *Е.Б.*) нашли графа в положении совершенно расстроенных умственных способностей при постоянно гневном раздражении, доходившем иногда до бешенства»^{vii}. Впрочем, спустя год, писал Фонвизин, состояние больного улучшилось, «раздражение и гневные порывы миновали». Другой опекун князь М.Д. Цицианов отмечал в 1836 г.: «Хотя граф Мамонов в некоторых отношениях и временно поступает как человек, лишенный рассудка, но обыкновенно ведет себя тихо, по большей части рассуждает основательно, любит чтение, картины, разные предметы роскоши, а *нередко* объявляет желание помогать бедным и несчастным»^{viii}.

М.А. Дмитриев-Мамонов пережил многих своих опекунов. В 1848 г. скончалась его сестра, ближайшая родственница и единственная наследница. Когда же 11 июня 1863 г. умер и сам Матвей Александрович, на его имение предъявили права сразу

несколько дальних родственников: его правнучатые племянники - Дмитриевы-Мамоновы, четвероюродный брат - князь С. Черкасский, троюродные племянники И.С. Фонвизин и С.М. Голицын, двоюродный племянник - князь А.Л. Щербатов. По указу Московской палаты гражданского суда от 1 мая 1864 г. единственными наследниками М.А. Дмитриева-Мамонова были утверждены: князь Черкасский - к родовому материнскому, а Фонвизин и князь Голицын к родовому отцовскому и благоприобретенному имениям в равных частях^{ix}.

И вот к 100-летию Отечественной войны 1812 года сын одного из незадачливых претендентов на наследство решил на собственные средства соорудить памятник своему предку в виде обелиска из серого гранита и мрамора, украшенного бронзовым орнаментом. Для получения Высочайшего одобрения нужно было предварительно испросить у Московской городской думы разрешение на отвод участка земли под строительство. Сам Василий Александрович Дмитриев-Мамонов считал наиболее подходящим местом Мамоновскую, бывшую Васильевскую, дачу, которая была куплена опекунами графа в 1833 г. и в которой он провел все последние годы.

В следующем году архитектор - художник Овсянников - разработал проект памятника, который состоял из четырех частей: две верхние части темного гранита, две нижние - более светлого. Сохранилось описание проекта.

«Ниже 1-й части обелиска по стороне - ядра в небольшом уступе, а с лицевой стороны, кроме того, - герб гр. Дмитриева- Мамонова, 2-я часть с четырех сторон украшена бронзовыми барельефами: с лицевой - доска с надписью о подвиге, с задней стороны изображение графа М.А. Дмитриева-Мамонова, с боковых - изображение доспехов и эмблем войны. 3-я часть украшена вертикально стоящими дулами пушек.

От обелиска идет скат на 4 стороны, причем в углах на пьедесталах ядра пушек. По четырем скатам от обелиска панель из плиток, напоминающая древнерусские ковры. На плитах изображение гербов, орлов и т.п. В конце панели по бокам пьедесталы, на которых пушки древнего литья (1812 г.). Остальная часть скатов украшена газоном с изображением 4-х государственных орлов. Верх обелиска венчают ядра, а на них взлетает орел со стягом Пожарского. Орел в характере орла на гербе графов Дмитриевых-Мамоновых»^x.

Пушки, ядра, а также «вся нужная для постройки памятника бронза» отпускались из военного ведомства безвозмездно. Кроме того, памятник намечалось украсить досками, повествующими о подвиге Дмитриева-Мамонова. Надпись на первой доске гласила: «Подвигу графа Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова в 1812 г.» Вот текст второй надписи: «В 1812 году по обнародовании Высочайшего Манифеста о созыве Государственного ополчения, когда положено было сформировать таковое и в первопрестольном граде Москве, обер-прокурор 6-го Департамента Правительствующего Сената, камер-юнкер Высочайшего Двора граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, движимый усердием и любовью к Отечеству, изъявив готовность пожертвовать на военные издержки все свое достояние, согласно Высочайшего предуказания блаженной памяти Императора Александра I Благословенного, сформировал на собственные средства конный полк, носивший название "1-го Московского конного казачьего Дмитриева-Мамонова полка".

Полк сей во главе со своим шефом, графом М.А. Дмитриевым-Мамоновым и полковым командиром князем Б.А. Святополк – Четвертинским, имея в своих рядах с Высочайшего соизволения знамя князя Дмитрия Михайловича Пожарского, участвовал во многих боях и сражениях войны Отечественной, а затем переформированный согласно Высочайшему указу, данному военному министру 12 марта 1813 года в семиэскадронный "Уланский генерал-майора графа Дмитриева-Мамонова полк", принимал участие в заграничном Российской Армии походе.

Неувядаемой славой покрыл себя полк в боях: 6 октября 1812 г. под Тарутиным и 12 и 13 октября 1812 г. под Малым Ярославцем, где, состоя в Московской военной силе, действовал под личной командой своего доблестного шефа, Генерал-майора

графа М.А. Дмитриева - Мамонова, получившего за сии дела золотую саблю с надписью "За храбрость"^{xi}.

Несмотря на то что проект памятника был одобрен в Совете Императорского Русского военно-исторического общества, городская дума не спешила с выбором места. К тому же и самого В.А. Дмитриева-Мамонова уже не устраивал для установки «величественного и массивного памятника» Мамоновский парк, столь отдаленный от центра города. Он предложил городской думе другие варианты: 1) Пречистенский бульвар; 2) Страстной бульвар; 3) Трубная площадь; 4) место против Манежа; 5) Лубянская площадь; б) Александровский сад^{xii}.

Василий Александрович хотел заложить фундамент памятника осенью 1913 года, чтобы в следующем году завершить строительство, и потому торопил думу. В течение сентября 1913 г. от него поступило в думу семь писем и телеграмм с просьбой ускорить решение дела. В конце концов он был уже согласен и на Мамоновскую дачу.

В журнале Московской городской думы есть запись от 15 октября 1913 г.: «Уведомить гр. В. А. Дмитриева-Мамонова, что Московская городская дума согласна отвести означенное на приложенном к докладу 387 плане места в Мамоновской даче для сооружения на средства гр. В.А. Дмитриева-Мамонова проектируемого памятника гр. М.А. Дмитриеву-Мамонову»^{xiii}.

Место для памятника предлагалось отвести на нижней площадке парка, между главным домом и рекою. 8 июня следующего года было получено и Высочайшее соизволение. Однако время было упущено: вскоре началась первая мировая война, и проект так и остался неосуществленным.

Примечания

ⁱ Полн. собр. Законов Российской империи. 1-е изд. Т.32.№25353.

ⁱⁱ ЦИАМ.ф.50, оп.5,д.13039,л. 121.

ⁱⁱⁱ Ф.16,оп.4, д,1943,л.63.

^{iv} Там же, л. 41.

^v Там же, л. 65.

^{vi} Там же, л. 62.

^{vii} Ф.380, оп.4,Д. П 9, л.1об.

^{viii} Ф.16, оп.4,д. 1943, л.282.

^{ix} Ф.380, оп.4,д.168, л.3.

^x Ф.179, оп.21, д.3016, л.47об.

^{xi} Там же, л. 48., Тексты надписей необходимо прокомментировать. Известно, что формирование полка шло крайне медленно. 19 августа 1812 года полк насчитывал только 186 рядовых воинов, причем в полку не было оружия, продовольствия, фуража и обмундирования. Дмитриев-Мамонов фактически устранился от формирования полка, уехав в действующую армию. После занятия Москвы войсками Наполеона полк продолжал формирование в Ярославской губернии, а Дмитриев-Мамонов в сентябре обратился с прошением к Александру I отнести часть расходов по формированию и содержанию полка на счет казны. В начале октября 1812 г. некомплект в полку составлял около 800 человек, а на 31 декабря полк насчитывал только 389 казаков. Формирование полка продолжалось еще и в марте 1813 г. в Серпухове и завершилось лишь к августу с некомплектом в 425 человек. Эскадроны полка приняли участие в кампании 1814 г., состоя при 2-й гусарской дивизии. В апреле 1815 г. полк был расформирован (См.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М., 1962, с.89-93)

^{xii} ЦИАМ, Ф.179, оп.21, д.3016, л.15.

^{xiii} Там же, л. 53.